

Ф И Л О С О Ф И Я

*Елена Николаевна ЯРКОВА —
профессор кафедры философии,
доктор философских наук*

УДК 008

УТИЛИТАРИЗМ И ДИНАМИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме динамики цивилизаций и роли утилитаризма как идеального типа культуры в этой динамике. Автор выделяет две формы утилитаризма: примитивный и развитый, исследует различные исторические модификации утилитаризма и делает вывод — утилитаризм является импульсом креативных процессов культуры.

Some problems of civilization dynamics and the role of Utilitarianism as an ideal type of culture in such dynamics are studied in this work. The author distinguishes the two kinds of Utilitarianism's: primitive and developed and researches different historical modifications of Utilitarianism, arriving at the conclusion that Utilitarianism is an impulse of creative processes of culture and civilization.

Согласно теории А. Тойнби, все без исключения цивилизации переживали на своем историческом пути стадию надлома и распада и лишь цивилизации с большой буквы каждый раз возрождались в новых свежих формах [1]. Эпоха цивилизационного слома, таким образом, может интерпретироваться двояко: как конец истории, «прозябание на руинах катастрофы, происходящее за счет энергии, выделяемой при распаде, как тепло при гниении» [2, с. 18]; или как этап накопления творческого потенциала, выделения нового культурного фермента, на котором будет замешена новая цивилизационная форма. Проблема динамики цивилизаций, рассмотренная в аспекте критических периодов ее бытия, может быть конкретизирована как проблема поворота вектора культуры от пассивно-пессимистических установок, неизбежных в ситуации цивилизационного кризиса, к активно-созидательным. Несомненно, способность общества к такого рода психологической метаморфозе нельзя объяснить при помощи некоторой монокаузальной модели, — переход от разочарования и апатии к состоянию творческой активности зависит от многих факторов. Важнейшим из них, по убеждению автора этих строк, является степень развития в культуре утилитарных нравственных ориентаций.

Утилитарные ценности присутствуют в смысловом пространстве любой цивилизационной общности. Однако масштаб этого присутствия, его качественный уровень, характер сочетания с ценностями других типов, мера проникновения в различные субкультуры являются важнейшими показателями способности цивилизации преодолевать критические периоды бытия.

Утилитаризм как тип культуры. Утилитарный тип культуры — понятие емкое. Многообразие аспектов утилитаризма можно свести к двум фундаментальным: ценностному и деятельностному.

В ценностном аспекте утилитаризм предстает как система ценностей и смыслов, высшей ценностью, метасмыслом которой является безусловное, непосредственно ощущаемое благо человека. Наглядное представление о сущности утилитарного блага дает религиозная философия, противопоставляющая «человека духовного», «гражданина неба», устремленного к граду Божьему, «человеку душевному, плотскому», принадлежащему граду Земному. Именно Земной град, «психоматериальное царство» (Н. О. Лосский), определяющий душевно-телесное благо человека как высшее, является сферой сосредоточения утилитарных смыслов бытия. Сама лексема «утилитаризм» выступает семантическим субстратом принципа практической пользы, определяемой как основа смыслополагания. Утилитаризм «переворачивает» традиционную ценностную иерархию: душевно-телесное начало человека в его смысловом пространстве занимает главенствующее место, тогда как духовное находится в подчиненном положении. Духовные ценности (истина, добро, красота и др.) в утилитарном толковании — не Моисеевы скрижали, но форма культуры, обслуживающая интересы человека.

В деятельностном аспекте утилитаризм характеризуется как определенный тип программ (технологий) человеческой деятельности, в основании которых лежит специфически утилитарное отношение к миру как к средству — источнику утилитарных благ. Критерием целесообразности деяний в условиях утилитарных ценностных ориентаций является степень их практической пользы для человека, интенсивность направленности на удовлетворение его базовых физиологических и социальных потребностей. Однако представления о способах достижения материального и социального комфорта могут быть различными. В рамках первоначального — умеренного — утилитаризма проблема увеличения объема благ решается за счет присвоения и экстенсивного наращивания уже существующих благ, средств благопроизводства. Свойственная этой форме утилитаризма потребительская стратегия отношения к миру, обществу реализуется в тактику накопления, присвоения, экспроприации благ. В культурно-историческом масштабе типичная для умеренного утилитаризма тактика заимствования благ рождает такой феномен, как вторичная, «догоняющая» модернизация.

Развитый утилитаризм содержит идею наращивания благ за счет совершенствования, интенсификации средств благопроизводства, повышения эффективности деятельности [3]. Появление развитого утилитаризма на фоне традиционализма означает, что на смену традиционному человеку-фаталисту приходит утилитарный человек-волюнтарист, инструментально-технологическое отношение к миру которого зиждется на ощущении неудовлетворенности миром и нарастающем чувстве свободы от традиционных ограничений и запретов. Важнейшей характеристикой развитого утилитаризма можно назвать рождающуюся в его русле новую потребность, постепенно осмысляемую как ценность, — потребность развития, совершенствования, изменения окружающей среды во имя получения новых и новых благ. Конечно, речь идет о специфической, ограниченной сфере средств инструментальной стратегии развития. Однако развитие средств ведет к усложнению культуры, расширению культурного разнообразия, что, в свою очередь, оборачивается необходимостью изменения целей, ценностей. Развитый утилитаризм, таким образом, является импульсом креативных процессов культуры, катализатором общественного развития. Освоение цивилизацией развитых форм утилитаризма можно интерпретировать как важнейший шаг на пути формирования бескризисной стратегии цивилизационного бытия — стратегии, в русле которой преодолевается дискретность инновационной динамики, развитие превращается в непрерывный процесс осовременивания, обновления, регенерации культуры.

Утилитаризм в контексте исторической динамики культуры. Развитие мира не сводится к монотонному повторению одного и того же: претерпевая непрерывные изменения, мир эволюционирует к более высоким формам сложности, наращивая внутреннее разнообразие элементов. Способность цивилизации преодолевать кризисные моменты социального бытия в конечном итоге обусловлена способностью создавать новые формы культуры, отвечающие сложившемуся разнообразию и сложности мира. Культурные формы, созданные в рамках различных цивилизаций, могут быть бесконечно разнообразными, вместе с тем, присущий им изоморфизм позволяет выделить некоторые идеальные типы. Всю историю мировой культуры можно схематически представить как последовательность четырех исторических типов культуры: космоцентрического, теоцентрического, рационалистического, диалогического. Утилитаризм как тип культуры, не имея самостоятельной ячейки в этом ряду, существовал как контрапункт, второй голос, звучание которого, постепенно набирая силу, заглушало звучание главного лейтмотива культуры, вело к рождению нового.

Утилитаризм можно рассматривать как наиболее ранний смысл культуры, стоящий у истоков культуры космоцентризма. Рождение архаичного ритуала как универсальной формы космоцентрической культуры было связано с возникновением определенной утилитарной озабоченности, с осознанием острого дефицита тех или иных благ, вследствие чего — с «включением» утилитарной модальности отношения к миру как набору средств, благ. Утилитаризм выступал как, условно говоря, заказчик культурных образцов деятельности, направленных на получение желаемых благ. Д. Бидни констатирует: «... в основе главных типов культурных новаций и навыков всегда лежат какие-то психобиологические потребности или социальные нужды, подлежащие удовлетворению» [4, с. 396]. Конечно, исходный, первоначальный утилитаризм носил спонтанный, фрагментарный характер. Актуализация утилитарной модальности была подобна короткой вспышке. Источником идей для изобретения новых технологий деятельности служил мир природы. Однажды найденные, «подслушанные» у природы результативные образцы деятельности запоминались как способы получения желаемых благ. Со временем наиболее успешные образцы деятельности сакрализировались, превращаясь в застывшие каноны поведения — ритуалы. Утилитаризм модифицировался в традиционализм, отливающийся в форму космоцентризма — нравственный закон выступал как отражение единого универсального космического закона бытия.

Тем не менее развитие утилитаризма неизбежно. Утилитарная модальность мировосприятия актуализируется в результате стимулов негативного свойства: дефицита ресурсов, нарушения демографического баланса, изменения природной среды, — несущих угрозу существованию человека, общества. Нежизнеспособность, контрпродуктивность в новых условиях традиционалистских программ деятельности ставила человека перед необходимостью формирования новых способов выживания, более изощренных технологий благопроизводства. Чем чаще возникали прецеденты утилитарного отношения к миру, тем интенсивнее осваивался утилитарный пласт культуры, возрастала ценность утилитарных благ, происходил рост потребностей. Результатом «включения» утилитарной модальности «мир-средство» можно считать, например, переход от кочевого образа жизни к оседлому, от присваивающего природопотребления — собирательства, охоты, рыболовства — к зачаткам производительного хозяйства — земледелию, скотоводству. Еще более заметным свидетельством реализации утилитарного императива стало появление и развитие эксплуатации, имущественного расслоения, ремесла, торговли. Все эти инновации возникали вследствие отступления в той или иной мере от ритуализированного поведения, сдвига в культуре, инсайта, который становился источником новых технологий жизнедеятельности, новых форм социальных отношений, новых моделей социальной организации.

Накопление утилитарных смыслов и постепенное формирование утилитарных ценностей вело к возникновению некоторого второго плана культуры – утилитарного. Традиционализм, ритуал по-прежнему главенствовали в культуре, лишь частично сдавая свои позиции утилитаризму. Да и сам утилитаризм поначалу существовал в культуре на полуполюгальном положении, облачаясь в одежды традиционализма. Продукты раннего утилитаризма ассимилировались архаичной культурой, встраивались в систему ритуальных норм. Тем не менее, на определенном этапе способность абсорбировать инновации, возникающие вследствие развития утилитаризма, исчерпывается, их поток становится столь значительным, что не подлежит усвоению. Исследователи отмечают: «Ритуал начинает утрачивать качество универсального космоорганизующего начала..., нарастает количество не включенных в ритуал форм человеческой активности» [4, с. 295]. Объектом критики становятся не только средства, но и цели, ценности. Архаичная культура вступает в полосу кризиса — переоценки ценностей. Этот ключевой этап в развитии человечества связан с феноменом осевого времени, когда, по выражению К. Ясперса, «мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью пришел конец... Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа)...» [5, с. 33]. Можно с уверенностью утверждать, что развитие рационального мышления во многом было инициировано распространением утилитарной нравственности. Утилитаризм — важнейшее средство преодоления ограниченности синкретического мышления, оперирующего нерасчлененными представлениями. В пространстве утилитарного, объектно-вещного восприятия действительности мир превращается в предмет аналитических размышлений человека, в ходе которых осуществляется вычленение и оценка отдельных его элементов. Конечно, этот анализ не идет дальше принципа «отношения к полезности», однако он создает условия для развития рефлексии, критического мышления. В ходе утилитарно-аналитической деятельности происходит осмысление причинно-следственных связей явлений действительности; превращаясь в вещь для человека, мир перестает быть «вещью в себе». Рождаются тенденции объяснения мира из него самого, а не при помощи ссылок на богов, потусторонние силы. Утилитаризм в целом стимулирует поисковую мыслительную деятельность человека, его можно назвать микрорационализмом. Возможно, утилитаристский здравый смысл был исторически наиболее ранней формой рассудочного осмысления мира, этапом рационализации мышления. Что касается культуры космоцентризма — роль утилитаризма в этой культуре двойственна. Он является одновременно силой разрушающей и созидающей, поскольку, разрушая старый порядок, стимулирует появление нового, прокладывая мост от мифологического мировоззрения к религиозному, от культуры космоцентризма к культуре теоцентризму.

Теоцентризм как тип культуры — название достаточно условное, не все мировые религии ставят в центр мироздания некоторого персонифицированного Бога. Тем не менее, представление о наличии некоторого трансцендентного смыслового центра, стягивающего и упорядочивающего пространство культуры в единое целое, присутствует во всех мировых религиях.

Осваивая тот пласт утилитарной культуры, который был сформирован в мифологическую эпоху, религия, подобно архаичному ритуалу, консервирует его, блокируя разрастание утилитарных смыслов. Душевно-телесное благо человека определяется как вторичное, подчиненное духовным, сакральным, трансцендентным смыслам существования. При этом объем утилитарных смыслов, санкционируемых той или иной религией, может быть различным. М. Вебер различает религии, «приспособившиеся к миру», «обращенные к миру», и религии, «отвергающие мир» [6]. Наиболее нетерпим к утилитаризму буддизм. Его пессимистически этическое отношение к миру, по мнению А. Швейцера, носит миро- и жизнеотрицающий характер, стоит на крайних позициях полного разрыва всяких уз с миром и погружения в Нирвану — жизнь освобожденного от психоматериальных желаний Духа [7, с. 119].

Менее строг в этом отношении индуизм. Он содержит, например, учение о трех целях жизни человека — триваргата. Первой и главной целью объявляется драхма, понимаемая как сакральный космический закон, долг, истина, которая вечна и неизменна, завещана богами, запечатлена в текстах откровения и индивидуальна для каждой варны, касты. Две другие цели: артха — «польза», касающаяся средств, способствующих достижению материального благополучия и мирских жизненных успехов, и кама — «любовь», связанная с удовлетворением телесных потребностей, — вторичны, но, тем не менее, существуют как таковые.

Еще более толерантен по отношению к утилитаризму католицизм. Характерной приметой католической догмы является ее антропоцентричность — сосредоточение на человеческом в человеке, в обществе и в Богочеловеке. Это определяет обращенность католицизма к миру, его «практический дух», который, тем не менее, никогда не выходит за границы духовных заповедей христианства. Широко освящают утилитарные блага ислам и иудаизм, яркий пример религиозного утилитаризма является собой конфуцианство.

Вместе с тем, различные религиозные традиции отличаются не только объемом утилитарных смыслов, санкционируемых ими, но и своей предрасположенностью к росту утилитаризма, его движению от умеренной формы к развитой. Гипотетически можно предположить, что, несмотря ни на какие запреты, в рамках религиозно ориентированной культуры также происходит рост утилитаризма, тем не менее его интенсивность зависит от того, насколько развитые формы утилитаризма освящаются религиозной догматикой, санкционируются религиозной моралью как достойные существования. Такого рода моральная санкция развитых форм утилитаризма, согласно учению М. Вебера, определяется своеобразием способов достижения ожидаемого спасения, утверждаемых религиозной догмой. Ученый выделяет два основных типа религиозности, предполагающих, соответственно, два пути к спасению. В религиозности первого типа благодать и средства спасения души носят созерцательный, оргиастически-экстатический, или ритуальный характер. Мирская деятельность с позиций такой религиозности представляется малозначимой, вторичной, не имеющей отношения к делу служения Богу. Это исключает саму возможность существования религиозной мотивационной основы продвижения развитых форм утилитаризма. К религиозности первого типа относятся различные религии Востока и Запада — буддизм, индуизм, конфуцианство, католицизм. Другим способом спасения, наиболее полно представленным, по мысли Вебера, лишь только в этике протестантизма (пуританской морали), является мирская аскеза. Мирская аскеза ориентирует верующего не на уход от мира, но на его преобразование в соответствии со словом Божиим. Именно в рамках понимания спасения как «премии за мирскую работу» происходит «расколдование» мира, перемещение пути спасения из созерцательного бегства от мира в активное его преобразование. В сущности, мирская аскеза есть не что иное, как облаченный в оболочку религиозных смыслов развитый утилитаризм. Оправдание богатства и осуждение нищенства, осмысление труда в категориях призвания, поощрение бережливости и методичности — вот основные нормы пуританской морали, которые, в сущности, составляют нравственный каркас развитого утилитаризма. Сам термин «мирская аскеза» в концентрированной форме выражает идею преодоления примитивного потребительского, непродуктивного утилитаризма, ориентированного на распределение, накопление, но не на производство богатства и утверждение развитого производительного утилитаризма, который, оставляя неизменными цели, ценности, направляет свои усилия на методичное преобразование средств.

Вся парадоксальность утилитаризма заключается в том, что, выполняя узкую задачу преобразования средств, он стимулирует пересмотр целей. Открывая шлюзы потокам утилитаризма, а следовательно, потокам инноваций, религия вынуждена

перестраиваться и сама. Развитие утилитаризма стимулирует модернизацию религии — переход от статичной «закрытой» к динамической «открытой» религии [9]. Рост утилитаризма притягивает религиозное внимание к проблемам посюсторонности, изменения которой заставляют реинтерпретировать религиозные догматы. В целом, достигая определенных масштабов, утилитаризм провоцирует кризис культуры теоцентризма. Цивилизация Запада отвечает на этот кризис формированием культуры рациоцентрического типа.

Рациоцентризм — организующий принцип культуры Нового времени, этап развития западной цивилизации. Очевидно, можно говорить о наличии элементов культуры рациоцентризма и в других цивилизациях, однако в своем ярко выраженном виде рациоцентрический тип культуры существовал только на Западе. Рациоцентризм характеризуется полаганием в качестве высшей ценности, метасмысла — Разума. Конечно, нововременной рационализм как явление массовой культуры носил достаточно ограниченный характер. Значительное место в ценностно-смысловом пространстве культуры западного модерна занимал развитый утилитаризм. Нововременной герой — *homo faber*, человек производящий, обязанный своим благополучием не наследуемым сословным привилегиям, а своему труду, бережливости, предприимчивости и изобретательности, — видел мир сквозь призму утилитарной нравственности. Это ярко проявлялось в отношении нововременного человека к природе как к неисчерпаемому резервуару ресурсов, предназначенному для удовлетворения его растущих потребностей. С утилитарных позиций оценивалась наука как средство обретения власти над природой. Массовое сознание приобретало рассудочно-прагматический характер — здравый смысл, предпринимательский успех, деловая инициатива и трезвый расчет оттесняли на второй план высокую мораль и религиозные идеалы. Важнейшим результатом реализации идей нововременного развитого утилитаризма был беспрецедентный в мировой истории технический прогресс. Ориентация на принцип пользы снимала практически все ограничения и табу на инновации, стимулировала рост потребностей, повышение эффективности деятельности, рождала новый тип человека — новатора — предпринимателя, для которого интенсификация технологий деятельности являлась предметом постоянной заботы. Вместе с тем, выдвигающий на первый план утилитарные ценности, нововременной рациоцентризм был изначально ущербен. Узость утилитаризма высвечивалась по мере разворачивания его идей. Потребительский подход к природе стимулировал рост экологической напряженности, машинный фетишизм превращал общество в гигантский завод, а человека — в винтик механизма, абсолютизация первичных потребностей оборачивалась десублимацией высокой культуры, восстанием масс — «плодей пользы» — против творческого меньшинства — «плодей гения». Шаг за шагом утилитаризм раскрывал свои уродливые стороны, несостоятельность своих претензий на роль универсального способа решения всех проблем, неспособность быть нравственным фундаментом социальной интеграции, служить основой принятия масштабных решений. Осознание недостаточности утилитарного инструментального разума, узости утилитарного гуманизма, антропоцентризма, примитивности линейных схем инструментального прогресса рождало настроения разочарования в идеалах нововременного рациоцентризма. Кризис рациоцентризма стимулировался еще и тем, что утилитаризм стал перерастать, переплавляться в иное качество — в культуру диалогизма.

Диалогизм — организующий принцип культуры посткапиталистической, постиндустриальной эпохи. Современной интеллектуальной мыслью диалог оценивается как оптимальная стратегия бытия, как путь из лабиринта тупиковых направлений эволюции человечества. Диалогизм не игнорирует и не абсолютизирует утилитарные смыслы бытия человека, но включает их в качестве составляющей в процесс смыслополагания. Утилитаризм в таком контексте приобретает статус одного из смыслов, одного из компонентов культурной реальности.

Утилитаризм как антиэнтропийный механизм. Итак, динамика цивилизаций — бесконечный процесс смены культурных форм, обусловленный необходимостью поиска новых и новых, отвечающих постоянно нарастающей сложности мира программ жизнедеятельности. Можно утверждать, что не существует и не может существовать совершенной культурной формы, — любая подвержена износу, старению, исчерпанию своего организационного потенциала, разрушению, энтропии. Смена культурных форм — не самоцель, но безальтернативный способ выживания цивилизации. Вместе с тем, каждая ставшая форма всегда стремится к стабилизации, консервации своих ценностей, герметизации своего смыслового пространства и блокированию потоков инноваций. Эта стратегия — без перспектив: любая закрытая система, рано или поздно истощив свой энергетический запас, подлежит деструкции, дезорганизации, энтропии. Единственный способ противостояния энтропии — разгерметизация культуры, ее превращение в открытую, притягивающую потоки инноваций систему. Важнейшим механизмом разгерметизации культуры является развитый утилитаризм, он создает прецеденты «открытости» и стимулирует формирование специфического открытого диалогического типа культуры. Концентрация утилитарных смыслов вокруг центральной идеи — блага человека — определяет такие качества утилитаризма, как его восприимчивость к изменениям внешней условий существования человека и направленность на улучшение этих условий. Развитый утилитаризм есть смысл культуры, ориентирующий человека на постоянный пересмотр технологий деятельности и социального взаимодействия с целью их улучшения, повышения эффективности во имя удовлетворения материальных и социальных потребностей. Пространство утилитарных смыслов является полем верификации ставших культурных форм, сферой критики сложившейся культуры.

Нельзя идеализировать утилитаризм. «Ахиллесовой пятой» утилитарной логики культуры является ее неспособность к масштабным причинно-следственным обобщениям, следовательно, неспособность к широкому видению проблем, принятию стратегически дальновидных решений. Выход из сложного переплетения позитивных и негативных аспектов утилитаризма следует искать в развитии рациональности. Только на основе подлинного рационализма возможно гармоничное сочетание традиции и новации, ситуационной пользы и долговременных позитивных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. СПб., 1995.
2. Фоменко А. Н. Среди руин // Мир дизайна. 2000. № 1.
3. Идея выделения двух разновидностей утилитаризма — умеренного и развитого — принадлежит А. С. Ахиезеру. См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему; Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1997-1998.
4. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб, 1997.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории М., 1994.
6. Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 78-280.
7. Швейцер А. Культура и этика. Пер. с нем. М., 1973.
8. Коваль Т. Б. «Тяжкое благо». Христианская этика труда. Православие, католицизм, протестантизм. Опыт сравнительного анализа. М., 1994.
9. Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994.